

Партизаны и народная война в 1812 году

Не будет преувеличением сказать, что при изучении войны 1812 года советская историография наибольшее внимание уделяла народной и партизанской войне. Эта тема была благодатной уже потому, что дореволюционная историография ввела в оборот большой объем источников. К тому же в руках советских ученых было такое мощное средство познания, как «единственно верное» марксистско-ленинское учение, с его гипертрофированным вниманием к классам и классовой борьбе, с упрощенческим пониманием роли народных масс в истории, с идеализированным восприятием самого народа. Так что господствовавшая идеология буквально подталкивала ученых заниматься этой темой.

В дворянской историографии понятия «партизанская» и «народная» война различались. Когда же на рубеже веков партизанскими стали называть и крестьянские дружины¹, возник вопрос, кого можно считать партизаном и кто был пионером на этом поприще? Мясоедов так и озаглавил свою статью: «Кто был первый *народный партизан* на Руси в эпоху отечественной войны?» Он заметил, что «в обществе *принято смешивать понятие "партизаны" с понятием о народном ополчении, между тем как разница в этом огромная*. Партизанские отряды состоят исключительно из военного элемента и формируются по объявлении высочайшего манифеста. Они имеют чисто военную организацию и характер деятельности их — военный. Народное же ополчение... состояло исключительно из народа и преимущественно из помещичьих крестьян, и *первая мысль о народном ополчении* не могла возникнуть иначе, как в помещичьей среде». Ополчение было много слабее «военных партизанских отрядов. Все это и составляет различие между понятиями "*партизаны военные*" и "*партизаны народные*", а связь между ними лишь та, что *военная партизанская организация явилась лишь вследствие первой мысли о народном ополчении*». Идею организации народного ополчения первым высказал А. Д. Лесли, следовательно, он и был *первым народным партизаном*, а вовсе не Давыдов². Очевидно, что автор, пытаясь выяснить разницу между *армейскими и народными партизанами*, ввел еще третье понятие — *народное ополчение*, отождествив его с «народными партизанами», чем еще более запутал вопрос.

В 1911 г. Поликарпов констатировал, что «относительно партизанов 1812 года существуют самые противоположные, самые разноречивые мнения, и даже до сих пор точно еще не установлено, *кого же, собственно, следует называть партизанами: части ли регулярных и казачьих войск... или же добровольцев, действовавших по своей инициативе, за свой страх и риск, с сформированными ими же из желающих крестьян отрядами*». По мнению ученого, *образ боевых действий крестьян-партизан ничем решительно не отличался от способа действий армейских партий*, «а разница в духовной или моральной стороне действий тех и других получается громадная». Крестьяне-партизаны «действовали по своему почину, за свой страх и риск, их подвиги могли остаться и без награждения, они не пользовались покровительством международного права». В следующем году Поликарпов писал, что «народная война и действия *народных партизанов-добровольцев* почти совсем не исследованы» нашей наукой. Историки необоснованно приписывают Кузузову осуществление народной войны, а Давыдову — инициативу партизанской войны, так как, согласно новым архивным данным, первым партизаном был хорунжий Хмарин из армии Торماسова. Народную же войну впервые возбудили Витенштейн и Барклай де Толли, а последний создал еще партизанские отряды Винцентероде, Дибича и Соколова³

Левшин правильно подчеркнул, что главным качеством партизанского отряда «должна быть наибольшая подвижность, делающая его неуловимым, ибо эта неуловимость и есть самое страшное и опасное для неприятеля свойство партизанского отряда». Но далее он заявил, что в армейские партии пошли «и охочие люди из помещичьих и государственных крестьян и *народная война* закипела во всю русскую мощь и ширь». Как видим, Левшин отождествил понятия «партизанская» и «народная» война; он писал, что Давыдов, Сеславин, Фигнер — «это, так сказать, присяжные партизаны, а мало ли было добровольных!», и записал в их число всех известных народных героев. Редакция юбилейного семитомника, признав, что первым партизанским отрядом был отряд Винцентероде, все же разделяла два понятия: «партизанская война» и «народная война», которым были посвящены две отдельные главы. По словам Алексеева, народная война началась после опубликования воззвания Барклая к жителям трех губерний, где

указывалось, «какими способами мирному населению вести эту *впервые тогда начинавшуюся партизанскую войну*». Он писал, что Смоленская губерния «стала *первым и главным поприщем партизанских действий* — Сычевский, Гжатский, Поречский, Вельский уезды в особенности приобрели знаменитость в истории *народной войны*». Ясно, что для автора партизанская и народная война — синонимы. «Из всехразличных проявлений *народной войны*, — писал Вороновский, — наиболее могучим и осязательным представляются *партизаны*. Термин этот не имеет вполне точного и единообразного содержания в нашей военной литературе и потому не встречается препятствий понимать его в широком смысле, разумея под ним людей, ведущих всякую вооруженную борьбу с неприятелем, как в определенной связи с армией, так и вне такой связи». Именно с точки зрения широкого понимания термина автором был освещен вопрос о смоленских партизанах, в результате чего любой помещик или староста, отбивавшийся от фуражиров и мародеров объявлялся партизаном^{iv}. Таким образом, пытаясь показать активную роль в войне крестьянства, **некоторые историки рубежа веков отождествили понятия «партизанская» и «народная» война.**

Реакцией на эту тенденцию явился очерк Дживелегова «"Народная война" в 1812 году». Историк считал, что этот вопрос требует пересмотра. «Обычное представление о "народной войне", — писал он, — складывается из трех элементов: крестьяне принимали очень деятельное участие в войне; они обнаруживали большое ожесточение против французов; они сильно содействовали разгрому неприятеля». Рассмотрев каждый из этих элементов, историк пришел к следующим выводам. Крестьяне участвовали в войне только после Смоленска, но особенно после сдачи Москвы. Если бы в Великой армии было больше дисциплины, нормальные отношения с крестьянами завязались бы очень скоро. Но фуражиры превращались в мародеров, от которых крестьяне «естественно защищались, и для защиты, именно для защиты и не для чего больше, образовывались крестьянские отряды... все они, повторяем, имели в виду исключительно самооборону». Во время отступления французов они не нападали на ослабленного врага. Поскольку у крестьян не было политических прав, то «у русского мужика не было никакой патриотической ненависти», а «ожесточение было только там, где на него нападали». Были случаи зверских расправ, но «режиссерами свирепств» были люди рос-топчинского облика, «способные пробудить и разжечь ненависть в темной массе». Враг был разбит не народом, а армией. «Значение же народной войны в собственном смысле было ничтожно... Наполеон был побежден не "народной войной"». При крепостном строе борьба крестьян с захватчиками «была бы борьбой за помещичьи интересы... поэтому не было в России в 1812 году "народной" войны против французов. "Народная" война 1812 года не более, как обман зрения, созданный дворянской идеологией»^v.

Советская историография конституировалась в борьбе с буржуазной, многие положения которой были пересмотрены с марксистских позиций. «Дворянско-буржуазные военные историки, — писал Кочетков, — ограничивали изучение партизанской войны

1812 г. только деятельностью армейских отрядов... они не считали вооруженные отряды крестьян партизанскими отрядами. Тем самым они сужали рамки партизанской войны и принижали ее значение». Рындзюнский уверял, что «дворянско-буржуазная историография» *противопоставляла народную войну действиям регулярной армии*. Это «противопоставление» он узрел в том, что действия партизан описывались в одной главе юбилейного семитомника, а народная война в другой^{vi}. Этот недостаток следовало устранить, и советские авторы, силою своей фантазии и путем откровенной фальсификации, **отодвинули время начала и расширили ареал распространения «народной партизанской войны»**. Особенно буйно фантазировал Гарнич: «Едва враг переступил границу, как в Литве, Белоруссии и на Украине возникла народная, партизанская война», «в тылу наполеоновских войск от самой границы России развернулось массовое партизанское движение». Бескровный писал, что «наполеоновская армия была вынуждена с первых же дней войны вести борьбу не только с армией, но и с вооружившимся народом». Корнейчик уверял, будто «повсеместное выступление крестьян Литвы и Белоруссии против оккупантов и помещиков угрожало положить конец могуществу Наполеона» (!). Ссылаясь на слова Сегюра о том, что французы встретили в России вторую Испанию, он писал, что «этой второй Испанией были Белоруссия и Литва», хотя мемуарист имел в виду коренные русские земли. Жилин выдумал, будто бы «в районе Витебска, Орши, Могилева отряды крестьян-партизан совершали частые дневные и ночные налеты на обозы противника»^{vii}. Подвиги мирных жителей создавались советскими сочинителями буквально из ничего^{viii}. Тщетно искать у этих авторов фактических доказательств данных утверждений. Постулированное ими народное *сопротивление* выражалось, по их же словам, в том, что жители «уничтожали и прятали свое имущество, продовольствие и фураж и либо

отступали в глубь страны..., либо укрывались в лесах, чтобы вести оттуда борьбу с врагом». «На первых порах, — писал Жилин, — эта борьба приобрела характер массового оставления сел и деревень и ухода населения в леса и районы, отдаленные от военных действий. И хотя это была еще пассивная форма борьбы, но она создавала серьезные трудности для наполеоновской армии». Партизанское движение поначалу «выражалось в отказе от поставок французской армии фуража и продовольствия, массовом уничтожении запасов этих видов снабжения». Бычков утверждал, что «восстания против польских и литовских помещиков были направлены и против наполеоновской армии»^{ix}. Описанные действия можно назвать саботажем, но не партизанской войной. Значительная часть населения Литвы встречала Наполеона как освободителя, помогала его войскам и вредила русским, а крестьяне Белоруссии отсиживались в лесах, иногда грабя имения помещиков. В этих областях не мирное население уничтожало запасы, а отступавшая русская армия. Выражение «пассивная форма борьбы» кажется нам логическим недоразумением: бегство и уход есть *отстранение от борьбы*. Наибольший размах антипомещичье движение обрело в Белоруссии и приграничных с ней уездах коренной России, но направлено оно было не только против профранцузски настроенной шляхты, но и против российских помещиков. И подавляли эти бунты в равной мере и оккупационные власти, и русские карательные отряды^x. Солидным исследователям были видны эти преувеличения, но открыто выступить против подобных фальсификаций они не решались. Произнося дежурные фразы о том, что «начав первыми вооруженную борьбу с Наполеоном, белорусский и литовский народы не прекращали ее до освобождения», они обходили стороной фактическое описание этой мифической борьбы^{xi}.

Между тем разницу в настроениях жителей бывших польских земель и коренной России четко и однозначно зафиксировали очевидцы как с той^{xii}, так и с другой стороны^{xiii}. Ощувив перемену в настроении населения, русское командование прибегло к новым методам борьбы. Барклай писал Платову: «Как мы теперь находимся в местах *отечественной России*, то должно внушить *обывателям*, чтобы они старались хватать малые неприятельские патрули, шатающиеся по разным дорогам, и где можно, то бы их истребляли». Смоленскому губернатору он предложил призвать «*благородное сословие дворянства и всех жителей тех уездов, до коих не приступил неприятель*, к вооружению против врагов наших... *Именем отечества* просите обывателей всех близких к неприятелю мест вооруженной рукой нападать на уединенные части неприятельских войск». В том же духе было составлено и обращение Барклая к «обывателям псковским, смоленским и калужским»^{xiv}.

Хотя Поликарпов доказал, что зачинателем народной и партизанской войны был Барклай, советские авторы долгое время пренебрежительно относились к этим его действиям, считая их запоздавшими^{xv}. Иную оценку его призывам дал Тартаковский, который считал, что «*обращение Барклая де Толли следует понимать как призыв к развертыванию партизанского движения в областях, подверженных вторжению врага*». Он полагал, что, «хотя обращение направлено формально к жителям трех губерний, наиболее близко расположенных к театру военных действий, его лозунги имели общероссийское значение. Оно заключало в себе призывы к развертыванию вооруженного *крестьянского* движения... что *противоречило самому существованию охранительных установок* изданных в то же время *правительственных манифестов об ополчении*». Тартаковский предположил, что «ввиду общенационального характера заключенных в нем призывов, обращение, наверняка, распространялось в... *других губерниях*»^{xvi}. Полагаем, что нет оснований для столь расширительного и радикального толкования призывов Барклая. Он мог распоряжаться только на театре военных действий; самостоятельно вооружаться разрешалось только жителям «прифронтовых» уездов, куда проникали неприятельские партии. В прочих губерниях, согласно царским манифестам, формировались ополчения; неприятеля там не было и не было нужды развертывать партизанское движение. Наивно думать, будто Барклай призвал, а царь разрешил бы крестьянам самостийно вооружаться в незапронутых войной губерниях. Неправомерно противопоставлять царские манифесты и воззвание Барклая — они относились к жителям разных территорий. Напомним, что еще раньше царь писал Барклаю: «*Я решился издать манифест, чтобы при дальнейшем вторжении неприятелей воззвать народ к истреблению их всеми возможными средствами и почитать это таким делом, которое предписывает сама вера**. Следовательно, призывы Барклая являлись исполнением воли монарха. Даже если под термином «обыватели» и понимались «наряду с

другими и все крестьянские сословия», это не означает, что Барклай призывал к сопротивлению только крестьян, ведь тогда же он обратился к дворянам и духовенству. Поэтому некорректно видеть в его воззвании «антисословные и антифеодальные тенденции», как это сделал Тартаковский. Барклай обратился ко *всем* сословиям, причем крестьяне открытым текстом нигде даже не названы, а включены в такие определения, как «поселяне, жители, обыватели». Об антифеодальных настроениях Барклая говорить не приходится, ибо в то же самое время он отдавал приказы о подавлении крестьянских бунтов. Его прокламации носили ярко выраженный *национальный* характер. Советские авторы упорно не желали замечать тот очевидный факт, что манифесты императора и призывы Барклая были обращены к жителям *исконно русских* губерний. Русское командование понимало, что в Литве и Белоруссии такие призывы были бы бессмысленны, учитывая сильные антирусские настроения значительной части тамошних жителей^{xvii}.

В советской литературе бытовало мнение, что «**народная партизанская война**» началась раньше, чем действия армейских партизан. Бычков писал, что «еще до организации командованием русской армии партизанских отрядов... в стране стала разворачиваться самодеятельная, так сказать, партизанская борьба крестьянства». Жилин многозначительно подчеркивал "одно очень важное обстоятельство. *Если до оставления Москвы партизанские отряды возникали стихийно и создавались преимущественно из крестьян, то после оставления Москвы... фронт партизанской борьбы значительно расширился и перешел под контроль армии.* Наряду с образованием крупных крестьянских партизанских отрядов... создаются армейские отряды». По словам Вершигоры, к началу сентября «народное партизанское движение уже охватило территорию от Минска до Вязьмы и от Вильно до Припяти. *Небывалое по своему размаху стихийное движение народа подсказало Денису Давыдову "план партизанских действий"*^{xviii}. Эта картина не соответствует действительности. Из крестьянских отрядов лишь единицы действовали по-партизански, и только при отступлении врага. Применение партизанской тактики было запланировано русским командованием еще до начала войны, но ее осуществление стало возможным лишь на смоленской земле. Совсем не случайно, что только после вступления в границы старой России Барклай смог применить партизанскую тактику, которая могла иметь успех лишь при полной поддержке мирного населения, чего в Литве и Белоруссии не было^{xix}.

Советские авторы **значительно преувеличивали степень самодеятельности народа в борьбе с врагом**. Если в отношении ополчения иногда признавалось, что крепостные крестьяне могли поступить в него лишь с позволения своих господ^{xx}, то широкий размах «партизанской» борьбы целиком приписывался инициативе населения, которое якобы не нуждалось в разрешении начальства. Особенно убедительным этот постулат выглядел в том случае, когда читателя уверяли, будто народное сопротивление возникло с первых дней войны. Дело представлялось даже в таком виде, будто только в ответ на инициативу населения русское командование пошло на этот шаг. «Многочисленные факты, — уверял Бычков, — свидетельствуют о том, что *инициатором партизанской борьбы против наполеоновской армии явилось отнюдь не царское правительство и не местные власти, а именно крестьянские массы*». Бескровный писал, что крестьяне, «не ожидая приказа правительства, вооружились и повсеместно вели борьбу с захватчиками». Но вместо «многочисленных фактов» мы найдем лишь ссылки на высказывания декабристов^{xxi}. Однако мемуарные свидетельства антикрепостнически настроенных революционеров звучат совершенно неубедительно. Конечно, были случаи, когда мирное население по собственной инициативе оказывало сопротивление фуражирам и мародерам. Но это не могло быть преобладающим явлением в силу того, что вскоре появилось воззвание Барклая, который приветствовал такие поступки и разрешал делать это и в будущем. По мнению Тартаковского, прокламации Барклая «были нацелены на пробуждение *крестьянской вооруженной самодеятельности, не скованной ни опекой дворянства, ни предписаниями верховных властей*», в доказательство чего он привел свидетельства Глинки и Зельницкого. Но ни воззвание Барклая, ни приведенные цитаты вовсе не свидетельствуют о том, что крестьянам разрешалось действовать самовольно, их организация и вооружение проводились под руководством местных властей^{xxii}. В некоторых уездах Калужской и Смоленской губерний отряды из жителей были учреждены губернаторами Кавериным и Кологривовым, в Сычевском уезде — предводителем дворянства Нахимовым, в Юхновском — предводителем Храповицким, в Вельском — предводителем Каленовым. По приказу Кутузова, партизаны воодушевляли крестьян на борьбу, давали им

оружие, обучали тактике действий, использовали их как разведчиков^{xxiii}. Следовательно, инициатива исходила сверху.

В советское время был обойден вниманием вопрос **о роли официальной и религиозной пропаганды в деле развертывания народной войны**. Недавно Немзер отметил, что ученые мало внимания обращали на огромную роль православного духовенства, но посчитал, что употреблять выражения вроде «агитация» и «пропаганда» антиисторично, поскольку «огромное большинство россиян были православными: осмысление войны в религиозном плане, естественно, способствовало национальному подъему». Напротив, Тартаковский считал, что «говорить об участии православной церкви в правительственной пропаганде 1812 года вполне правомерно... Манифесты в связи с войной читались с амвонов во всей стране..., церковь была накрепко включена в механизм официальной, мирской идеологии»^{xxiv}. Разумеется, население России было верующим, и потому официальные обращения властей содержали призывы к защите православной веры, но разные слои населения воспринимали церковные призывы по-своему. В образованной дворянской среде вряд ли всерьез принималось уподобление Наполеона Антихристу, а его солдат — лвам и тиграм. Такой уровень объяснений был рассчитан на безграмотного, темного мужика, дремучесть которого сознательно использовалась властями, **как одно из сильнодействующих средств, примененных на той войне**. Именно поэтому мы считаем возможным говорить о религиозной пропаганде в 1812 году. Значение этой пропаганды прекрасно понимали участники войны. Незадолго до ее начала Чуйкевич подчеркивал, что России придется *«прибегнуть к средствам необыкновенным, кои обрящет в твердости своего Государя и преданности ему народа, который должно вооружить и настроить, как в Гишпани, с помощью Духовенства»*. Ростопчин обращался к крестьянам: *«Враг рода человеческого, наказание Божие за грехи наши, дьявольское наваждение, злой француз вошел в Москву»*, и призывал их не поддаваться *«в обман врагу лютому, злодею кровожадному... Истребим гадину заморскую и предадим тела их волкам, воронью... а злодей француз некрещеный— враг... истребляйте эту сволочь, гадину нечистую»*^{xxv}. Потенциальную опасность такой пропаганды сразу поняли некоторые офицеры неприятельской армии^{xxvi}, а вскоре ее результаты ощутили на себе и все прочие завоеватели^{xxvii}.

Тарле уверял, что в 1812 г. *«настроение народа было таково, что не было ни малейшей надобности поднимать искусственными мерами вражду к неприятелю»*. Хотя правительство привлекло духовенство для пропаганды, *«и без этой агитации настроение народа было непримиримо враждебным»* к врагу. Факты, однако, говорят о другом. Во многих случаях белорусские и русские крестьяне поддавались на неприятельскую пропаганду и выходили из повиновения русским властям. Так было в Полоцком, Городецком, Невельском уездах Витебской губернии, в Могилевской губернии, в Рославльском, Ельнинском, Вельском, Юхновском, Дорогобужском уездах Смоленской губернии. В Московской губернии также отмечены случаи нормального общения «пришельцев» с крестьянами^{xxviii}. Эти примеры показывают, что не проводило правительство и церковь столь активной пропаганды, отношение крестьян к иноземцам было бы иным; разумеется, при соответствующем поведении неприятельских солдат^{xxix}. Наполеон пытался наладить добрые отношения с гражданским населением, запрещая своим солдатам совершать грабежи и насилия не только в Литве и Белоруссии, но и в коренной России^{xxx}. Эти попытки закончились фиаско по двум причинам: русское крестьянство было фанатизировано с помощью духовенства, а его солдаты доведены до такой степени изголодания, что были уже неспособны на «джентельменское» обхождение с населением. *«Все их старания, — отмечал современник, — были бесполезны: доверие не могло восстановиться между жителями и солдатами, не имеющих других пособий, кроме грабежа»*. Коленкур признавал, что беспорядки и грабежи *«заставили крестьян чуждаться нас. Пожары, зажженные русскими с такой политической расчетливостью и приписываемые крестьянами французам, чуждый язык, крестовый поход, проповедуемый русским духовенством против нас, — все сочеталось сьединно для того, чтобы изобразить нас в глазах этого суеверного народа в виде варваров, которые, как говорили русские, пришли низвергнуть их алтари, похитить их достояние и увезти в рабство их жен и детей. И от нас бежали, как от диких зверей»*^{xxxi}. Полагаем, что только возбуждением религиозного фанатизма и можно было противостоять «революционной заразе», которой так боялись русские дворяне^{xxxii}. Крестьян невозможно было воодушевить на защиту Родины ссылкой на то, что они могут потерять свои

социальные права, поэтому оставался один рычаг — взывать к защите веры и батюшки царя. Другим способом предотвращения контактов населения с неприятелем было «добровольно-принудительное» удаление его с оставляемых территорий.

В связи с этим **требует корректировки и известное утверждение, что русский народ сам уничтожал собственное имущество**, чтобы оно не досталось злодею. Мы согласимся скорее с Нафцигером: «Трудно допустить, чтобы крестьяне уничтожали все продукты, которыми они располагали. Крестьянин, который, как раб, трудился в полях и едва мог прокормиться, едва ли был способен обречь себя и свою семью на голодную зиму просто потому, что какой-то русский офицер приказал ему это сделать. *Крестьяне прятали намного больше, чем уничтожали, в надежде уберечь припасы от французов*». Поджигали города и деревни не сами крестьяне и мещане, а казаки арьергарда. Трудно, почти невозможно простому человеку поджечь свое имущество, и чем оно меньше, тем тяжелее это сделать. Такое можно совершить лишь в состоянии крайнего аффекта, отчаяния, сильного убеждения^{xxxiii}.

«Длительное время, — признавал Абаихин, — мы стыдливо замалчивали тот факт, что *партизанское движение носило ожесточенный характер: крестьяне жгли и резали французов, закапывали их живыми в землю*». Историк не прав в одном: *крайняя жестокость была характерна не для партизан, а для крестьян*. Свидетельств тому великое множество, так что пушкинское «остервенение народа» следует понимать в самом буквальном смысле слова^{xxxiv}. Причем мы убеждены, что до такого состояния он был доведен не только эксцессами со стороны неприятельских солдат, но и церковной пропагандой^{xxxv}. Современники хорошо понимали это^{xxxvi}. «Партизанская война отличалась беспощадными расправами с противником», — признавал Андреев, но считал это «законной реакцией партизан на зверства оккупантов». Конечно, как акт мести такое поведение можно оправдать, но речь идет об изуверском обращении с пленными, безоружными людьми. Не думаем, что жестокость и садизм со стороны наполеоновских солдат имели массовый характер — недаром жуткие поступки крестьян приводили их в священный ужас. Изуверство и садизм, с чьей бы стороны они не исходили, оправдания не имеют. «К сожалению, — констатировал Алексеев, — *крестьяне попрали требования гуманности, соблюдаемый обыкновенно даже во время войны, и допустили жестокости*»^{xxxvii}. Правда, значительную часть вины за это следует переложить с темных и грубых крестьян на официальную пропаганду.

Понятие «малая» или «партизанская» война обрело в советской литературе весьма расширенное понимание. Кутузов писал, что после занятия тарутинской позиции он решил «вести беспрестанную *малую войну*, а для того поставил я *десять партизанов*», «которые будут иметь целью угрожать вражеским коммуникациям». Из дальнейших приказаний Кутузова видно, что армейские партизаны должны были взаимодействовать с крестьянами и частями губернских ополчений. У Гарнича этот десяток превратился в «*десятки сильных отрядов*». Число же «народно-партизанских отрядов» он измерял *тысячами*, и писал, что Кутузов создал «*многотысячную армию партизан, игравшую стратегическую роль*». По словам Бабкина, «в помощь ополчению и партизанам М.И.Кутузов выделил... *летучие отряды регулярной конницы*. В середине сентября 1812 г. *десятки летучих отрядов* начали действовать в четком взаимодействии с частями губернских ополчений и *многочисленными крестьянскими партизанскими отрядами*». Как видим, партизанами он считал именно крестьян. Бескровный писал, что «*народная война... включала действия войсковых и крестьянских партизанских отрядов, отрядов самообороны и ополчения*», и уверял, что «*фактически каждая деревня вокруг Москвы имела свои партизанские отряды*». Вслед за Вершигорой, он завысил численность партизан, уверяя, будто «в сентябре в составе летучих отрядов действовало *36 казачьих полков* и одна команда, *7 кавалерийских полков, 5 эскадронов, 5 полков пехоты, 3 батальона егерей и 22 полковых орудия*. Таким образом, *Кутузов придал партизанской войне широкий размах*»^{xxxviii}. Можно с уверенностью сказать, что такие масштабы были приданы партизанской войне самими означенными сочинителями.

Вслед за этим последовало «возвеличивание» значения «малой войны». «Величайшая историческая заслуга... бойцов партизанских отрядов и ратников ополчения, — писал Гарнич, — заключается в том, что, *сковав 100-тысячную армию Наполеона в Москве, они с успехом в течение месяца заменили собою главные силы регулярной русской армии... Заменяв регулярную русскую армию, народные партизаны и ратники ополчения блокировали главные силы Наполеона в Москве*». По словам Бескровного, «при помощи малой войны Кутузов, *во-первых, блокировал неприятельскую армию... а во-вторых, оградил свою армию от действий противника*»^{xxxix}. Это явное преувеличение. Наполеон находился в Москве не потому, что его блокировали партизаны и ополченцы, а потому, что ожидал предложений о мире. Наивно думать, что малочисленные партизаны или

плохо вооруженные ополченцы могли оказать серьезное сопротивление регулярным войскам. Заслуга партизан и ополченцев состояла в другом — они свели до минимума возможность для неприятеля проводить фуражировки и нормально питаться людям и лошадям. Это очень ослабило вражескую кавалерию и артиллерию. С целью придать больший вес «крестьянскому партизанскому движению» иные авторы **непомерно увеличили число войск, выделенных Наполеоном для борьбы с партизанами.** По словам Вершигоры, до «Бородина наполеоновская армия потеряла большое количество людей *в борьбе с восставшим народом*», так что к началу сражения Наполеон имел 135000 человек из первоначальных 600000^{xl}. То, что поглотили широкие российские пространства, эти сочинители обратили в заслугу «народного партизанского движения». Они имели весьма смутное представление о том, какие неприятельские войска были выделены для охраны коммуникаций и сколько их было направлено против партизан^{xli}. Весьма **завышались в советской литературе и масштабы действий отдельных крестьянских отрядов.** По словам Бескровного, эти «отряды вступали *в настоящие сражения* и наносили серьезный ущерб французским войскам». Действия отряда Курина против фуражиров историки громогласно именовали «сражениями, боевой операцией, прямо генеральным сражением». Гарнич заявлял: «Неправильно обобщать все формы борьбы местного гражданского населения под одним общим понятием "малой войны" или партизанских действий, кроме этого... происходили *целые сражения* между отрядами вооруженных жителей и войсками захватчиков. Так, например, дружина Курина... *сражалась в открытом поле с войсками маршала Нея*»^{xlii}. На самом же деле, в самом крупном бою Курин выставил 5800 мужиков против двух эскадронов противника.

Еще одной передержкой советской науки было **чрезмерное раздувание роли именно Кутузова в деле организации народной и партизанской войны и противопоставление его позиции в данном вопросе политике царского правительства.** «Не могли одобряться и поощряться правящими кругами, — лгал Рьндзюнский, — и такие формы народной войны, как партизанские отряды крестьян и горожан. У нас нет ни одного свидетельства о положительном отношении правящей бюрократии к самоотверженной борьбе крестьян». Поэтому «*вмешательство* Кутузова... в действия массовых партизанских отрядов имело решающее значение», причем «*это вмешательство шло вразрез с политикой правящих кругов*». По его словам, Кутузов «*во всем отошел от свойственного крепостнической эпохе отношения к крестьянам*»^{xliii}. Доказывался сей постулат просто: Кутузов велел раздавать оружие крестьянам, а царское правительство «*издало секретный приказ о разоружении крестьян*». По мнению Гарнича, это однозначно свидетельствует об отрицательном отношении царя «*к всеобщему вооружению народа*»^{xliv}. Здесь мы в очередной раз сталкиваемся с фальсификацией. Первый призыв к обывателям трех губерний исходил от Барклая, Кутузов воззваний такого масштаба не издавал, но лишь частные указания по вооружению крестьян. Ни Барклай, ни Кутузов не могли в столь опасном для устоев дворянского государства вопросе, как вооружение крестьян, действовать без разрешения самодержца. Кутузов никоим образом не нарушал устоев феодально-крепостнической системы, но, напротив, был ее верным защитником^{xlv}. Столь же глупо говорить о *всеобщем* вооружении народа — это было экономически невозможно. Советские авторы умалчивали, к какому времени относился рескрипт Александра о сборе оружия у поселян. А он был отдан в ноябре, когда коренная русская территория была очищена от врага. Михайловский-Данилевский писал, что «*для поспешнейшего вооружения резервов и ополчений, государь велел раздавать им отбитые у неприятелей и брошенные ими ружья и известить жителей Московской, Калужской, Смоленской, Псковской, Витебской и Могилевской губерний, чтобы они за положенную плату сносили в церкви... неприятельское огнестрельное оружие*». Конечно, это мероприятие преследовало и другую цель — сохранение спокойствия в стране. Штаб Кутузова ретранслировал это распоряжение, так что никакого расхождения между царем и фельдмаршалом в этом вопросе не было.

Советские авторы часто **критиковали царя и правительство за то, что они всячески тушили патриотические инициативы народа.** Любой поступок царя оценивался сугубо отрицательно^{xlvi}. Одним из доказательств негативного отношения царя к вооружению народа считалось то, что набор ополчения был ограничен «всего» 16-ю губерниями. По мнению Бабкина, это было сделано для того, «чтобы патриотическое движение, вызванное созданием ополчения, не вышло из-под контроля дворянства». На самом же деле, это было обусловлено политическими, экономическими и географическими причинами^{xlvii}. «Русский царизм и помещики, — писал Бычков, — боялись могучего движения широких крестьянских масс, развернувшегося против чужеземных завоевателей. Крепостнические эксплуататоры

дрожили перед широкой волной народного движения, уничтожавшей завоевателей»^{xlviii}. Это явление примитивно в своей прямолинейности. Именно царь и дворяне организовывали народное сопротивление, хотя и осознавали опасность вручения оружия народу. Война с Наполеоном требовала «мер необыкновенных», и заслуга Александра состояла в том, что он отважился пойти на них.

Советские авторы **часто сетовали на недостаток источников по истории народной войны**, в чем обвиняли дворянских историков. «Официальная историография, — глас Жилин, — не позаботилась сохранить для истории документы об этой борьбе народа. Царское правительство не было заинтересовано в собирании и обобщении материалов о действиях крестьянских партизанских отрядов. До нас дошло *лишь небольшое число свидетельств современников, позволяющих представить размах крестьянского партизанского движения*». Гарнич сожалел, что «история сохранила только 70 имен вождей из народа — командиров местных дружин народного ополчения и партизанских отрядов. Но это лишь маленькая частица». Имена многих народных вождей история не сохранила^{xlix}. Эти причитания необоснованны. Собирательская деятельность одного лишь Михайловского-Данилевского доказывает нелепость подобных измышлений. Конечно, часть имен могла остаться забытой, но вряд ли это значительный процент. История этой войны достаточно хорошо освещена источниками, и, конечно же, никто не пытался сознательно замалчивать подвиги выходцев из народа. Листовка от 8 октября извещала, что *«много есть подвигов знаменитых, учиненных почтенными нашими поселянами... приняты меры, чтобы узнать об них и предать отечеству для должного почтения*». Обещание это было сдержано, деяния народных героев были отражены в листовках, а Кутузов описал их в рапорте царю¹. Таким образом, уже в ходе войны официальная пропаганда начала широко прославлять подвиги этих героев с целью поднять боевой дух народа. Ей не было никакого смысла замалчивать подобные подвиги; напротив, их даже преувеличивали, а то и попросту сочиняли. Так что имена основной массы народных героев стали известны уже в 1812 г. Разумеется, поиски историков в архивах продолжались и позднее, но много ли новых имен было открыто советскими писателями? *Все, что переписывали они из одной книги в другую, взято ими из периодической печати времен войны и дореволюционных изданий!* Недаром историографы сетовали: «Узка источниковедческая база исследований. Одни и те же факты и имена героев "кочуют" из одной работы в другую»¹. Лишь в постсоветское время стали публиковаться архивные документы, содержащие новые факты о народном сопротивлении.

В то же время советские авторы **некритически, с излишним доверием относились к любым рассказам о борьбе крестьян**. Между тем, как верно заметил Ильин-Томищ, многие подобные истории сочинялись сотрудниками «Сына Отечества» в пропагандистских целях для возбуждения народного духа. «Многие их истории вызывают законное сомнение. Опыт многих войн убеждает, что такого рода пропагандистская деятельность, как правило, не скована преклонением перед фактом. Вот и в случае с "анекдотами" 1812 года крайне трудно отличить реальные события войны и вымысел во благо спасения Отечества»¹. Трудно, но все-таки можно. Это касается самого известного сюжета «русский Сцевола». Сомнителен рассказ о том, как 3-тысячный отряд французов во главе с генералом, следуя из Духовщины, захватил крестьянина С. Силаева для указания пути к Белому, но находчивый герой обманул врага, заявив, что местность там непроходимая. Историки почему-то сравнивали его с И. Сусаниным. Особая «прелесть» всех этих рассказов заключается в том, что они не датированы, а иногда и место действия определить невозможно, что, разумеется, не случайно. К тому же иные историки еще и перевирали подобные рассказы¹.

Итак, **в советское время все крестьянские отряды окончательно были объявлены партизанскими**

iv

. Кочетков писал, что **понятие «партизанская война» употребляется в двух смыслах**: как «вооруженная борьба гражданского населения против иностранных захватчиков», «как боевая деятельность отдельных отрядов различной численности, отделяемых от армии». Соответственно, партизанами «именуют два совершенно различных типа вооруженных групп: 1) **вооруженные отряды и группы населения** различной силы и степени организованности, 2) **армейские летучие отряды различной численности**, действовавшие в отрыве от главных сил в тылу или на флангах противника и главным образом на коммуникациях». Он правильно подчеркнул, что «было бы ошибочным по аналогии с Великой Отечественной войной... представлять партизанскую войну 1812 г. как боевые действия организованных, вооруженных самодеятельных отрядов по типу наших партизан. Исторические условия, обстановка, сами люди были

совершенно иными. Партизанскими отрядами в более или менее точном смысле слова были лишь немногие из вооруженных групп населения». Однако в дальнейшем он фактически стал именовать партизанами всех подряд, заявив, что «крестьяне составляли главную массу партизан». «Советская военная энциклопедия» давала следующие определения: «Партизан — лицо, добровольно сражающееся в составе вооруженных организованных партизанских сил на территории, занятой противником; в состав регулярных войск не входит». «Партизанское движение — вооруженная борьба народных масс за свободу и независимость своей страны, ведущаяся на территории, занятой противником. В П. Д. могут также принимать участие части регулярных войск, действующие в тылу врага». В 1812 г. это была «вооруженная борьба народа, преимущественно крестьян России, и отрядов рус. армии. К партизанским действиям были привлечены и отд. формирования нар. ополчения». Как видим, эти определения давались, явно исходя из опыта Великой Отечественной войны, а главными партизанами объявлялись крестьяне. Вслед за Вороновским Андреев признал, что главной базой партизан в Смоленской губернии были уезды, не занятые неприятелем, отметив, что «партизанское движение в уездах, захваченных вражеским нашествием и оккупацией, было относительно слабым»^{lv}. Он даже не заметил, что эти выводы сводят на нет попытку записать крестьянские отряды по разряду партизанских, ибо спрашивается, с кем же сражались «народные партизаны» в уездах, где не было врагов? Тот же вопрос можно было бы адресовать Кочеткову, писавшему, что партизанское движение охватило даже часть Тверской, Владимирской, Ярославской губерний!

Чтобы окончательно решить этот вопрос, нужно выяснить, кого считали партизанами сами участники войны. Перед самым ее началом подполковник Чуйкевич составил, по поручению Барклая, аналитическую записку с рекомендациями командованию. Он советовал «вести против Наполеона такую войну, к которой он еще не привык... Уклонение от генеральных сражений; партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопускания до фуражировки... суть меры, для Наполеона новые». Он рекомендовал «беспрестанно развлекать внимание неприятеля, посылая сильным партиям иррегулярных войск беспокоить его денно и нощно»; «иметь несколько отделенных летучих отрядов из легких войск по одной или по две тысячи человек... Дело их есть прорывать беспрестанно неприятельскую операционную линию и действовать на флангах и в тылу неприятеля»^{lvi}. Эти рекомендации нашли применение в боевой практике 1812г. Современники относили к партизанам мелкие «партии» и более крупные «летучие отряды». Анализ документов кутузовского штаба показывает, что во многих случаях и те и другие одинаково именовались «партизаны, партии, отряды»^{lvii}. Но более крупные из них именовались еще «малый корпус, отряд легких войск, отряд, довольно значущий, сильный кавалерийский отряд, летучий корпус» (обычно они действовали не полным составом, а высылали «малые отряды, нарочные партии, легкие партии»). Отличие это четко зафиксировано в листовке, где упомянуты «наши легкие партии и двухтысячной отряд на Можайской дороге» (отряд Дорохова). Давыдов также в ряде случаев фиксировал разницу между крупными летучими отрядами и мелкими партиями^{lviii}. Но иногда он не делал между ними различия, одинаково именуя их отрядами, партиями, партизанами. В «Военном словаре» Тучкова (1818 г.) находим следующие определения: «Малая война — так называется война, производимая малыми отрядами и набегами в неприятельские земли; партия — отделенная часть войска, определенная для каких-либо особых военных предприятий; партизан — чиновник.. которому поручаются партии, составленный из отборных легких войск. Должность его есть беспокоить набегами неприятельскую армию, снимать посты или отделенные пикеты, захватывать транспорты и прочее»^{lix}. **Современники никогда не называли отряды крестьян партизанскими; в источниках они обозначались иначе:** «поселяне, вооруженные обитатели, вооруженные крестьяне, кордоны пограничные, ополчение, внутреннее охранное войско». Давыдов четко различал «партизан и поселян», «партии и поселян», называя последних «поголовным ополчением, общим и добровольным ополчением поселян»; он писал о «народной войне, возбуждаемой и поддерживаемой партизанами». В листовках партизанские отряды четко отличаются от «крестьян из прилежащих к театру войны деревень», каковые «устраивают между собою ополчения»; в них фиксируется разница между вооруженными поселянами и партизанами, между «отделенными нашими отрядами и земскими ополчениями»^{lx}. Так что обвинения советскими авторами дворянских и буржуазных историков в том, что те не считали крестьян партизанами, совершенно беспочвенны, ибо их не считали таковыми современники.

Кочетков писал, что «Кутузов вложил новое содержание в понятие "малая война". Создаваемые им партизанские отряды выполняли, конечно, и задачи... разведки и охранения», но не это

было главным. Перед ними «Кутузов ставил задачу *истребления противника*. Не эпизодические нападения на обозы и на фуражиров, а длительное, непрерывное воздействие на коммуникации противника, полное прекращение фуражировок, массовое уничтожение боеприпасов и продовольствия, наконец, *истребление живой силы* — вот какие задачи возлагал Кутузов на партизан». Очень любили иные советские авторы это слово «истребление», но, похоже, не понимали, что в каждом конкретном бою с партизанами и крестьянами потери противника исчислялись чаще всего десятками человек. По словам Бескровного, «*крестьянские отряды... громили идущие в Москву обозы... и, нападая на гарнизоны, держали их в постоянном напряжении*». Сразу скажем, что именно этого крестьяне не делали. Жилин заявлял, будто «русское командование стало поручать партизанам не только *истребление фуражиров, мародеров и мелких партий неприятеля, но и нанесение более чувствительных ударов по резервам и гарнизонам противника*». Это заявление противоречит указаниям самих партизан^{lxi}. По нашему мнению, *ничего принципиально нового в методы, способы действий партизан Кутузов не внес*. Новшество состояло в ином: «малую», партизанскую войну армейские партии вели не изолированно, а во взаимодействии с крестьянскими дружинами и ополчениями. Впрочем, сотрудничал с поселянами уже отряд Винценгероде, который ныне принято считать первым армейским партизанским^{lxii}.

Весьма подробно о задачах партизан писал Давыдов. Партии и поселяне истребляли шайки мародеров и отряды фуражиров. Но Давыдов подчеркивал, что это «более было делом поселян, нежели партий... ринутых на сообщение неприятеля с целью гораздо важнейшей той, которая состояла только в защите собственности от сей отрепи французской армии». Далее Давыдов переходит «к главному предмету партизанского действия, а именно к похищению и истреблению неприятельских подвозов с боевыми и съестными припасами, отрядов, команд и войск, проходящих в армию или из оной». Кроме того, партизаны осуществляли «неотступный надзор, непрерывные покушения, внезапные наскоки на команды, отстранявшиеся от колонн», захватывали курьеров, освобождали русских пленных, наказывали «богоотступников, изменников и послушников начальству»^{lxiii}.

В чем же заключалась разница между партизанскими отрядами и народными дружинами? **Партизаны** активно действовали на занятой неприятелем территории, нападая на его обозы, транспорты, артиллерийские парки, небольшие отряды, эстафеты, фуражиров, мародеров. **Крестьянские отряды** располагались на незанятой противником территории, в нейтральной, «прифронтовой» полосе. Они ограничивались обороной своих деревень, иногда преследуя отбитого противника. **Задачи и способы боевых действий у них различались**. Отряды самообороны защищали свои деревни и города от грабежа и разорения, поэтому им следовало находиться в определенном месте, осуществляя патрулирование района обороны. Партизаны нападали на коммуникации противника, для чего было необходимо постоянно маневрировать. Различалось их вооружение; одни возглавлялись кадровыми офицерами, другие — отставными военными и гражданскими чиновниками. По-разному относились они к пленным: партизаны отправляли их в главную квартиру, мужики чаще уничтожали. Достаточно прочесть инструкцию Кутузова Дорохову о том, как должен действовать партизан, чтобы окончательно понять, что **крестьянские отряды самообороны никоим образом не попадают под определение партизанских**, ни в тогдашнем, ни в современном понимании^{lxiv}. Так что «широкое народное партизанское движение» в 1812 г. — это миф, сочиненный отечественными, главным образом советскими историками.

Отождествление понятий «народная» и «партизанская» война или включение второго в состав первого совершенно неверно. Партизанская война — это активное воздействие армейских отрядов на коммуникации и тыл неприятеля. Народная война — это участие в боевых действиях временных военных формирований из числа гражданского населения, плохо или совсем не обученных и слабовооруженных; они обороняли определенную территорию. Третье понятие — «малая война» — синоним войны партизанской, но мы считаем, что его можно ввести как особое понятие, и вот для чего. В 1812 г. первые два рода боевых действий велись не изолированно, но в тесной связи между собой. Именно в этом смысле можно понимать известное выражение, что «Кутузов расширил рамки "малой войны"», а вовсе не в том, что он ставил перед ними какие-то новые, неведомые ранее задачи. Итак, **мы предлагаем понимать под «малой войной» в 1812 г. сочетание партизанской и народной войны. При таком подходе станет возможным положить предел бесосновательному отождествлению двух первых понятий, которое противоречит историческим фактам.**

Обзор советской историографии наглядно показал, как, в угоду официальной

идеологии, попирались реальные факты и искажалась действительная история. Не удивительно, что у читателей появляются вопросы о партизанах 1812 г.: «Почти в каждой работе натькаешься на *прямые аналогии с подвигами героев Великой Отечественной и всепобеждающую "дубину народной войны"*. Так ли это на самом деле?» А историк вынужден отвечать, что «несмотря на огромное количество источников, до сих пор не оценен реальный вклад армейских партизан в поражение неприятеля в 1812 году... *Специальные обобщающие исследования по этой теме еще не написаны. Армейских партизан часто смешивают со стихийным народным движением. Историки ограничиваются простым перечислением подвигов избранной группы героев-партизан*». Историографы также констатировали, что «опубликованные работы не дают еще полного представления о географии, размахе, масштабах, формах, этапах и историческом значении партизанской войны в тылу наполеоновской армии. Слабо, а порой упрощенно показаны причины возникновения партизанского движения... Есть немало и других малоизученных аспектов этой героической темы. А *главное— наша историография до сих пор не располагает обобщающим трудом по истории партизанского движения 1812 года*»^{lxv}. Сказанное убеждает нас в настоятельной необходимости нового, объективного освещения данной темы.

Недавно в нашей науке возродился спор о **характере патриотизма, проявленного русским народом**. Зачинателем его стал, сам того не ведая, Рунич. Рассуждая о причинах жестокостей, совершенных крестьянами, он утверждал, что *«патриотизм был тут ни при чем... русский человек защищал в 1812 году не свои политические права. Он воевал для того, чтобы истребить хищных зверей, пришедших пожрать его овец и кур, опустошить его поля и житницы»*. С этим мнением согласился Алексеев, заметив: *«Какое же может быть отечество у раба? А русский крестьянин очень часто тогда стоял ниже раба, был вещью. И подвинуть его на защиту именно отечества было вовсе не так просто*». Подобный взгляд разделяли Дживелегов и сторонники школы Покровского^{lxvi}. Разумеется, он вызвал резкую критику со стороны марксистской науки. В 1937 г. некто Барер доносил: «Враг народа Пионтковский, отрицая народный характер войны 1812 года, нагло заявлял, что русское крестьянство якобы выступало против Наполеона "из-за своих кур и гусей"». Ему вторил Бычков: «Враг народа Пионтковский, опираясь на писания реакционера Рунича, извращая *политический смысл борьбы* русского крестьянства с Наполеоном, заявлял, что якобы "крестьянство восстало за своих кур и гусей". В своей ненависти к народным массам... Пионтковский не прочь был попытаться оклеветать героическое движение русского народа в 1812 г., умалить *политическое значение его борьбы* против интервенции». Подобные грозные оклики, подкрепленные репрессиями, надолго отбили у советских авторов желание рассуждать на данную тему^{lxvii}.

Троицкий считал, что в той «войне "верхи" и "низы" России защищали от общего врага не одно и то же отечество: дворяне боролись за отечество самодержавно-крепостническое..., народ — за отечество, *свободное от самодержавно-крепостнического гнета*, то есть не только за национальное, но и за *социальное освобождение*»^{lxviii}. Подобная трактовка настроений народа кажется нам сомнительной. *Очевидно, что против самодержавия крестьянство не выступало*. Оно сражалось под лозунгом: «За веру! За царя!»; так говорил Курин, призывавший мужиков «стараться за веру, умереть за царя... Государь наших сердец, что родной он нам отец». Сомнительно также, что народ боролся ради своего социального освобождения. Историографы уверяли, что «на поведение крестьянства огромное влияние оказала *уверенность* в том, что после изгнания врага царь отменит крепостное право. В ряде работ получил *убедительное подтверждение вывод К.Маркса о том, что русское крестьянство надеялось своей кровью заслужить свободу*»^{lxix}. На самом же деле *все историки ссылаются на один единственный пример* (восстание ратников Пензенского ополчения), который кажется нам весьма сомнительным аргументом^{lxx}. Можно, конечно, допустить, что *отдельные люди тешили себя такими надеждами, но нельзя подобные мечтания экстраполировать на все крестьянство*^{lxxi}. Крепостные, отдаваемые в ополчение, знали из манифеста, что «по изгнании неприятеля из земли нашей всяк возвратится... в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям». В уездах, где подавлялись крестьянские бунты, они также знали о намерении правительства сохранить в неизменности существующий социальный порядок; об этом же вещали с амвонов. Заметим, что *автором*

данного утверждения был вовсе не Маркс, а декабрист Тургенев, в войне не участвовавший. Он писал, что в 1812 г. «крестьяне, по собственному V почину, взялись за оружие. Везде, в чисто русских, губерниях, крестьяне вели партизанскую войну... Когда неприятеля изгнали из России, те из них, которые были крепостными, вполне естественно думали, что такое геройское сопротивление, преодоление... стольких лишений, самоотверженно перенесенных ради общего освобождения, давали им право на свободу». Полагаем, что такие надежды могли возникнуть у ополченцев лишь после заграничных походов, так как они смогли сравнить свое положение с жизнью народа в Европе и были, вопреки обещаниям, надолго задержаны на службе. Известно несколько случаев, когда возвратившиеся ратники отказывались выполнять повинности, но все они относятся к 1814—1815 гг.^{lxxii} В 1812 г. за свободу боролись именно те крестьяне, которые поднимали бунты против российских властей, объявляя себя иногда подданными Наполеона. В условиях же войны, как верно заметил Безотосный, «на их подавление отправлялись воинские команды, вместо того, чтобы воевать с "супостатом". Часто крестьяне вместе с французскими дезертирами громили барские усадьбы или выдавали наполеоновским войскам "патриотов" — дворян. Вряд ли эти деяния можно отнести к разряду патриотических»^{lxxiii}. В изложении Троицкого только крестьяне выступают бескорыстными и самоотверженными патриотами. В патриотизме всех остальных сословий историк усматривает некий изъян, обусловленный их социальным положением: дворяне защищали отечество из-за своих социальных привилегий, купечество наживалось на войне, среди духовенства нашлось более всего предателей. Абсолютно непогрешимым, беззаветным защитником родины показал себя только народ. Опровергая утверждение дворянской историографии об исключительной роли дворянского сословия в той войне, ученые, исповедовавшие марксизм, не заметили, как встали на тот же путь абсолютизации, что и дворянские историки. Только теперь вместо одного сословия стало превозноситься другое^{lxxiv}. Такой подход весьма далек от объективности.

Во время дискуссии 1992 г. Безотосный рассуждал так: «Патриотизм — позиция гражданская, а крепостной крестьянин фактически был рабом. Как раб может быть гражданином! Патриотизм в высоком понимании этого слова — отношение свободного гражданина к своей свободной родине. У крестьян в 1812 году в силу несвободности и ужасающей неграмотности отсутствовало чувство гражданственности. Огромна роль православного духовенства, использовавшего религию как важнейший инструмент идеологического воздействия на массы». Немзер также считал, что не стоит употреблять слово « "патриотизм", говоря о крестьянстве. Надо различать живую реакцию на насилие и отрефлексированное гражданское чувство, которым обладало дворянство». На это Ивченко возразила: «Разве русский крестьянин не мог быть патриотом?... лишать русских крестьян патриотизма — дерзко, да и неправильно»; ее поддержал Абалихин. Тартаковский считал неправильным «противопоставлять патриотизм разных сословий: принижать дворянский патриотизм, поскольку де его носителем являлся эксплуататорский класс, и вовсе отрицать патриотизм крестьян на том основании, что у них "отсутствовало чувство гражданственности"». Не следует пренебрегать «социальными различиями в патриотизме. Но не надо их абсолютизировать, иначе мы снова дойдем до вульгарно-социологического абсурда, который господствовал в нашей науке не одно десятилетие»^{lxxv}.

Вмешиваясь в эту дискуссию, заметим, что по своему происхождению патриотизм — чувство очень глубокое, его корни восходят к животному миру: это защита своего ареала обитания от завистливых соседей. Человек унаследовал это чувство от животных предков, как и другие инстинкты. Разумеется, в социуме этому «натуральному» чувству были приданы более цивилизованные формы, для него были найдены идеологические обоснования. Следовательно, чувство патриотизма присуще от природы всем людям, к каким бы сословиям они не относились; но сословная принадлежность сказывалась на «качестве», «характере» патриотизма, способах его выражения и реализации. Поэтому Тартаковский прав: нельзя пренебрегать социальными различиями в проявлении патриотических чувств. По мнению Троицкого, «на фоне суесловного и корыстного патриотизма привилегированных сословий выделялся своим бескорыстием и действительностью патриотизм народных масс», которые шли на врага, «движимые отнюдь не сословными, а исключительно национальными интересами»^{lxxvi}. Мы видим здесь явную идеализацию и преувеличение. Нельзя возводить патриотические чувства народа в некий непогрешимый абсолют. Проявление этих чувств крестьянством в 12-м году было обусловлено и,

соответственно, ограничено их социальным положением. Они были лишены возможности самостоятельного, добровольного проявления этих чувств при наборе в ополчение^{lxxvii}. «Поголовное вооружение» против врага позволялось лишь населению нескольких «прифронтовых» уездов под руководством местной администрации. Все это, конечно, не вина низшего сословия. Что же касается бескорыстия в поведении крестьянства, то здесь марксисты вошли в противоречие сами с собой, приняв на веру слова Маркса, будто русские крестьяне шли воевать в надежде получить освобождение. Так где же здесь бескорыстие? Что здесь цель, а что средство? Нет ли здесь прагматического расчета? *Opus probandi* в данном случае лежит на тех, кто соглашался с мнением Маркса — Тургенева. Известно, что нередко богатые крестьяне покупали у помещиков крепостных людей, поставляя их в ополчение взамен себя. Да и в армию крестьяне отнюдь не всегда шли с охотой, они убегали или калечили себя^{lxxviii}.

Троицкий был прав: в той войне «верхи» и «низы» России защищали не одно и то же отечество, но не в том смысле, какой вкладывал он. Высшие сословия защищали все государство в совокупности, в том числе и его внутренние социальные устои. Крестьянин же защищал не империю, не абстрактное Отечество, истинных размеров которого он мог себе даже не представлять, а свою «малую родину», т. е. семью, собственность, деревню, ближайшую округу. Именно в этом смысле следует понимать слова Рунича об «овцах и курах». Это проявилось и в характере действий местных отрядов самообороны: отразив врага, мужики расходились по домам. В более далекие походы их могли подвинуть только представители власти. Когда неприятель обращался с крестьянами лояльно, те мирно «сожительствовавали» с ним. Если же противник не затрагивал их деревень, мужики сами не проявляли инициативы, и их приходилось уговаривать взяться за оружие. Примером тому может служить начало деятельности Четвертакова и подобных ему отбившихся от армии солдат. Даже «губернское земское войско» изначально создавалось только для защиты своей и сопредельных губерний.

Мы согласны с Тартаковским: бессмысленно противопоставлять патриотизм разных сословий, превознося чистоту и искренность этого чувства у одних и выискивая изъяны в патриотизме других^{lxxix}. *Этим чувством были охвачены все сословия российского общества и именно поэтому война получила у современников название Отечественной.* Подчеркнем этот момент: война 1812 года получила такой статус не потому только, что в ней принял широкое участие народ, как это у нас обычно считается, а потому, что в защите Родины участвовали все сословия общества.

Напоследок уточним, с **какого момента война 1812 года стала для русского народа Отечественной?** Тартаковский писал, что «подлинно народная, партизанская война провозглашена только обращением Барклая де Толли», что его воззвание — это «призыв, впервые провозгласивший народный, отечественный характер войны». С этим мнением можно согласиться, если только не отождествлять понятия «народная», «партизанская» и «отечественная» война, а также учитывать, что военный министр исполнял волю монарха. Исходя из того, что народное сопротивление неприятелю, создание партизанских отрядов, ужесточение «скифской тактики» (путем уничтожения не только казенного, но и личного имущества), массовый уход гражданского населения, усиление официальной русской пропаганды, появление у неприятеля предчувствия второй Испании — все это началось в первой коренной российской губернии, мы полагаем возможным говорить, что именно с этого времени война приобрела для русского народа характер отечественной, национальной. На уступленных до этого противнику территориях, относительно недавно инкорпорированных в состав Российской империи, рассчитывать на придание войне такого характера не приходилось. Напротив, такой характер война имела тогда для политически активной части польско-литовского населения, мечтавшего о возрождении своей Родины и официально провозгласившего восстановление своего Отечества. Теперь же неприятель стоял на границе коренных русских земель, где на подмогу армии могли быть призваны представители всех сословий, в том числе и крепостное крестьянство. Так что *и манифест царя, и призывы Барклая, по сути дела, взывали к единению сословий перед лицом национальной угрозы. Только теперь противоборство принимало, с российской стороны, характер национальной, отечественной войны.* До этого времени шла борьба двух империй за спорные территории, недавно перешедшие к России в результате раздела Польши, и тогда именно Наполеон разыгрывал национально-патриотическую польско-литовскую

карту.

Со времен декабристов принято писать, будто Наполеон был разбит вовсе не царским правительством, а *только народом*, и постоянно подчеркивать, что эта война носила *народный характер*. Так, Павлова уверяла, что декабристы пришли «к *единственно правильному* выводу о народном характере войны 1812 г.» В свое время Тарле выдвинул тезис: «Нельзя в истории 1812г. писать отдельную главу "Народная война". *Вся война против... Наполеона была сплошной народной войной*». Он ссылался на то, что солдаты и ратники — это тоже крестьяне. При таком подходе и партизанское движение было объявлено им «одним из проявлений народной войны»^{lxxx}

Есть явное преувеличение в том, будто бы *один* народ одолел «Великую армию» Наполеона. Нельзя же всерьез считать, что плохо вооруженные, необученные, недисциплинированные ополченцы и крестьянские дружины самостоятельно, в одиночку разбили громадную по тем временам армию во главе с величайшим из полководцев. Такое заявление принижает роль русской армии. Не забудем, что народное вооружение было инициировано и проведено именно царским правительством. Ученый не может оставаться на «лубочном» уровне мышления, характерном для агиток Ростопчина, Теребенева, Иванова, Веницианова, или буквально воспринимать аллегорию Толстого о «дубине народной войны», которая гвоздила неприятеля от Москвы вплоть до границы. *Не с регулярной вражеской армией бились крестьяне, а с мелкими партиями мародеров, фуражиров и отсталых*. **Войну 12-го года можно, конечно, именовать народной, поскольку крестьяне и мещане приняли в ней широкое участие. Однако нам такое определение кажется недостаточным, сужающим ее характер.** Поскольку в нашей науке под словом «народ» принято понимать прежде всего крепостное крестьянство, то при таком определении нивелируется роль в войне прочих сословий, особенно дворян и священнослужителей, а также армии. Крестьянство составляло почти 9/10 всего населения страны, но вклад различных сословий в дело защиты Отечества отнюдь не прямолинейно коррелируется с их численным соотношением. Безотосный правильно подчеркнул, что дворянство играло тогда руководящую и цементирующую роль. Война 1812 года имела необычный характер, и это прекрасно понимали современники. Но необычность ее состояла *не только* в том, что к оружию были призваны крестьяне и горожане, но и в применении «скифской тактики», партизанских отрядов, в активном воздействии на население религиозной пропаганды. **В войне приняли участие представители всех сословий и многих национальностей, и поэтому она носила не просто народный, но национальный характер**, тем более что официальная пропаганда вещала о возникшей угрозе для национальной независимости и православной религии. Эта внешняя угроза объединила на время все сословия, хотя и не устранила существовавших между ними противоречий. Именно поэтому война и получила у современников почетное название «Отечественной».

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Альбовский Е. Один из партизанов 1812 г. // Рус. старина. 1898. №7; Слезкинский А. Н. Смоленские партизаны в 1812 г. // Рус. старина. 1900. №9; Рус. архив. 1901. Кн. 2.

ⁱⁱ Ист. вестн. 1903. № 12. С. 828-833.

ⁱⁱⁱ Поликарпов И. Н. Очерки Отечественной войны // Новая жизнь. 1911. № 8. С. 137-139; *Он же*. Серые герои Отечественной войны... // Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 11-12. С. 415-418, 393; № 13-14. С. 468-472, 475. Аргументация автора была откровенно слабой; ни Хмарин, ни Дибич, ни Соколов, ни крестьяне дер. Жарцы под Полоцком не могут быть признаны партизанами.

^{iv} Левшин А. Г. Партизаны в Отечественную войну. М., 1912. С. 11 — 13, 28—29; Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. IV. С. 208, 227—228; Вороновский В. М. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912. С. 237, 257, 261, 266, 274. Правда, не все ученые считали отряды крестьян партизанскими, а называли их «крестьянская милиция, отдельные ополчения, воины-поселяне, народные дружины, крестьяне-дружинники», явно отличая их от армейских партизан (Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. №6. С. 205; Елчанинов А. Г. Народная война и герои из народа в 1812г. М., 1912. С. 16-20, 26.

^v Джиселегов А. К. Александр I и Наполеон: Ист. очерки. М., 1915. С. 219-236.

^{vi} Кочетков А. Н. М. И. Кутузов — организатор армейских партизанских отрядов // Полководец Кутузов: Сб. ст. М., 1955. С. 338; Рындинский П. Г. М. И. Кутузов — руководитель народного ополчения и крестьянских партизанских отрядов в 1812 г. // Там же. С. 370—371.

^{vii} Гарнич Н. Ф. 1812 г. М., 1956. С. 60, 63, 65-66; Бычков Л. Н. Крестьянское партизанское движение в Отечественной войне 1812 г. М., 1954. С. 28; Полководец Кутузов. С. 340; Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С. 101, 114-115; Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 235, 238; Корнейчик Е. И. Белорусский народ в Отечественной войне 1812 г. Минск, 1962. С. 33, 44—45; Бабкин В. И. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962. С. 32, 43-44.

^{viii} Например, уверяли, будто «упорное сопротивление было оказано врагу при занятии Могилева, где команда внутренней охраны города совместно с жителями нанесла удар захватчикам» (Бычков Л. Н. Указ. соч. С. 28; История БССР. Минск, 1954. Т. 1. С. 222-223; Корнейчик Е. И. Указ. соч. С. 37; Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 337—340; Он же. Партизаны в Отечественной войне 1812 г. // Вопр. истории. 1972. № 1. С. 115; Вершигора П. П. Военное творчество народных масс. М., 1961. С. 370, 371). На самом деле никакого удара не было, а жители поспешно бежали из города (Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1912. Т. 139. С. 9—10; Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 4. С. 140-141; № 7. С. 252; Генерал Багратион: Сб. документов. М., 1945. С. 206; 1812-1814: Секретная переписка... М., 1992. С. 79-80, 158).

^{ix} Гарнич Н. Ф. Указ. соч. С. 63; Жилин П. А. Указ. соч. С. 236; СВЭ. М., 1978. Т. 6. С. 236; Бычков Л. Н. Указ. соч. С. 28.

^x Отечественная война 1812 года: Материалы ВУА. СПб., 1910—1911. Т. XIV. С. 93, 172, 228; Т. XVI. С. 36; Т. XVII. С. 310; Т. XVIII. С. 60, 98, 130, 167, 168; Т. XIX, 319, 321.

^{xi} Кочетков А. Н. Партизанская война // 1812 год: К 150-летию Отечественной войны. М., 1962, с. 166; Троицкий Н. А. 1812: Великий год России. М., 1988. С. 98, 221.

^{xii} Неприятельские фуражиры констатировали, что «здесь приходит конец таким местам, где население за нас; дальше — люди становятся другими. Все против нас; все готовы либо защищаться, либо бежать... Мужики вооружены пиками, многие на конях». Жомини отметил, что жители Смоленска настроены «против французов, которых им описывали в самых черных красках... Можно было предвидеть, что ко всем лишениям, перенесенным нами в Литве, здесь еще присоединятся все ужасы национальной войны. Мы найдем здесь новую Испанию». В Витебске Каstellан записал: «Почти все жители убежали перед нашим приходом. Когда мы будем совсем в России, будет как в Испании» (Французы в России. М., 1912. Т. I. С. 90, 94; Castellane B. Journal. P., 1895. Т. 1. P. 123-124).

^{xiii} Винценгероде доносил царю, что «почтенные жители в городах и селениях настояще русских противно думают и ведут себя тому, что оказывалось в Белоруссии». Бенкендорф писал: «Помещики и исправники вооружили крестьян и начали... действовать против общего врага. Не повторялось более явлений, происходивших в Белоруссии. Мы вступили в недра коренной России». То же самое отметил Ермолов: «Поречье — первый старый русский город... и расположение к нам жителей было другое. Прежде проходили мы губернии литовские, где дворянство, обольщенное мечтою восстановления Польши, возбуждало против нас слабые умы поселян, или губернии белорусские, где чрезмерно тягостная власть помещиков заставляла желать перемены. Здесь, в Смоленской губернии, готовы были видеть в нас избавителей» (Харкевич В. И. 1812 год в дневниках... Вильно, 1902. Вып. П. С. 82; Материалы ВУА. Т. XVI. С. 85; Записки А. П. Ермолова. М., 1991. С. 146-147).

^{xiv} Бумаги Щукина. М., 1903. Ч. 7. С. 50-51; Материалы ВУА. Т. XVII. С. 155-158; Листовки Отечественной войны 1812 г.: Сб. документов. М., 1962. С. 33-37.

^{xv} Бычков Л. Я., Указ. соч. С. 34; Ист. журн. 1937. № 8. С. 65; Гарнич Н. Ф. Указ. соч. С. 101; Пунин Л. Н. Фельдмаршал Кутузов. М., 1957. С. 131-132; Кочетков А. Н. Партизанская война. С. 166.

^{xvi} Листовки 1812 г. С. 34—36; Тартаковский А. Г. Военная публицистика 1812 г. М., 1967. С. 49-51, 65-66, 69-71.

^{xvii} Джисвелегов А. К. Указ. соч. С. 225; Листовки 1812 г. С. 35.

^{xviii} Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1938. С. 183, 234; Ист. журн. 1937. № 8. С. 66; 1938. № 10. С. 66; Полководец Кутузов. С. 379; Жилин П. А. Указ. соч. С. 242; Вершигора П. П. Указ. соч. С. 399, 370. Давыдов, аргументируя свой партизанский эксперимент, говорил: «Обратное появление наших посреди рассеянных от войны поселян ободрит их и обратит войсковую войну в народную» (Давыдов Д. Б. Стихотворения. Проза. М., 1987. С. 199, 219).

^{xix} Сами советские авторы признавали, что партизанское движение «могло достигнуть огромных успехов только благодаря деятельнейшей, добровольной, усердно оказываемой помощи со стороны русского крестьянства», что «эти малочисленные и сравнительно слабые отряды могли добиваться успеха лишь в активно сочувствующей им народной среде» (Тарле Е. В. Указ. соч. С. 182; Полководец Кутузов. С. 379).

^{xx} Бабкин В. И. Указ. соч. С. 39; Ливчак Б. Ф. Народное ополчение в вооруженных силах России.

Свердловск, 1961. С. 73-74, 76.

^{xxi} Гарин Ф.А. Изгнание Наполеона. М., 1948. С. 464; Жилин П. А. Указ. соч. С.236; Бычков Л.Н. Указ. соч. С. 29; Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 341; Вопр. истории. 1972. № 1. С. 116. «Не по распоряжению начальства, — писал Якушкин, — жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение. Не по распоряжению начальства выступило все народонаселение Москвы вместе с армией». Завалишин заявлял, что от врага «Россия избавилась только самостоятельным действием и доблестью народа, независимо от правительства и даже как бы вопреки ему» (Якушкин И.Д. Записки. М., 1951. С. 7; Завалишин Д.И. Записки декабриста. СПб., 1906. С. 104; Павлова Л. Я. Декабристы — участники войн 1805-1814 гг. М., 1979. С. 95).

^{xxii} Четко написал об этом Ермолов: «Поселяне приходили ко мне с вопросом: позволено ли им будет вооружиться против врагов и не подвергнуться ли за это ответственности!» Главнокомандующий приказал издать воззвание к жителям Смоленской губернии, приглашая их противостать неприятелю». Наивно думать, что крепостной человек мог без разрешения властей безнаказанно взяться за оружие. В этом плане характерен рассказ Радожницкого: «Сперва, — говорил один воин-мужичок, — мы боялись бить француза, чтобы нас за это не потянули в суд; когда и удавалось в одиночку загубить нехристя, то прятали окаянных в колодцы и под солому. Ну, уж как пришел приказ из губернского, и нам исправник сказал: "Ребята! Бей француза направо!" — тогда-то мы развернулись!» (Записки А. П. Ермолова. С. 147; Радожницкий И. Т. Походные записки артиллериста. М., 1835. Ч. 1. С. 238-239).

^{xxiii} Рус. архив. 1901. № 5. С. 7—12; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.: Сб. документов. М., 1962. С. 143, 144, 183, 187, 194-196; Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 232-224, 238-239; Радожницкий И. Т. Ч. 1. С. 209-210.

^{xxiv} Родина. 1992. № 6-7. С. 134.

^{xxv} Там же. С. 155; Рос. архив. М., 1996. Вып. VII. С. 46; Давыдов Д.В. Указ. соч. С. 219-220.

^{xxvi} В манифесте Александра некоторые французские офицеры усмотрели «призыв к бесконечной войне... Как и когда, говорили такие, будет закончена борьба с самодержцем девятой части Земли... который призвал свой народ к сопротивлению; который сравнивает нас с тиграми и волками и призвал своих подданных истреблять нас любыми, находящимися в распоряжении средствами». Царь возбудил против французов религиозную ненависть народа. «Посредством этой прокламации нам стала ясна та система, исполнение которой мы уже тяжело ощутили, еще не дойдя до старой русской границы, и которую до сих пор мы считали лишь случайностью». «Полковник Бернар, — записал Лоссберг, — прочитал призыв императора Александра к своему народу, множество экземпляров которого было найдено в Орше. В нем мы были описаны как люди, которые будто бы пришли, чтобы низвергнуть гражданский порядок и религию, почему русских призывали покидать все места, где покажется против них, повсюду братья за оружие и организовывать ополчение» (Roeder von Bomsdorff O. Mittheilungen aus dem russischen Feldzuge. Dresden, 1818. Bd. I.S. 111—112; Lössberg F. Briefe in das Heimat. Cassel, 1844. S. 115).

^{xxvii} Русский священник спросил Ложье, христианин ли он. «Эти слова удивили меня только наполовину, так как я уже знал, что нас расписывали как банду еретиков. Мой утвердительный ответ сейчас же сделался известным всем, и я заметил, что на меня стали смотреть с большим интересом». После этого «открытия» поп предупредил Ложье о приближении казаков. Солдат Флек увидел в избе икону и перекрестился на нее. Крестьяне были поражены, так как считали, что французы не ведают бога и церковных обычаев; они говорили друг другу: "О, Боже — мой, это христианин"» (Ложье Ц. Дневник офицера... М., 1912. С. 193—195; Fleck Beschreibung meiner Leiden und Schicksale. . Hildesheim, 1845. S. 103).

^{xxviii} Тарле Е. В. Указ. соч. С. 193, 195; Рус. архив. 1892. № 8. С. 542, 536, 546; 1901. № 5. С. 7, 25; Материалы ВУА. Т. XVI. С. 36, 258, 260; Т. XIX. 13, 346; Ассонов В.И. В тылу армии. Калуга, 1912. С. 148, 152; Савин Н.И. Волнения крепостных... Дорогобуж, 1926. С. 24—25; Дживелегов А.К. Указ. соч. С. 226; Ливчак Б.Ф. Указ. соч. С. 61-63, 109, 114; Chlapowski D. Aus der Umgebung Bonapartes. Berlin, 1910. S. 192; Bellot de Kergorre A. Journal. P., 1899. P. 64; Pepler F. Schilderung meiner Gefangenschaft in Russland. Worms, 1832. S. 2—3; Giesse F. Tagebuch. Leipzig, 1912. S. 130; Conrady L.W. Aus stuermischer Zeit. Berlin, 1907. S. 295—296.

^{xxix} Ермолов считал, что «если бы вместо зверства, злодейств и насилий неприятель употребил кроткое с поселянами обращение и к тому еще не пожалел денег, то армия не только не подверглась бы бедствиям ужаснейшего голода, но и вооружение жителей или совсем не имело бы места, или было бы не столь общее и не столь пагубное» (Записки А. П. Ермолова. М., 1863. С. 242).

^{xxx} Correspondance de Napoleon I. P., 1868, № 19253; Chuquet A. Orders et apostilles de Napoleon. P., 1911, T. 2. P. 429 - 430.

^{xxxi} Бумаги Щукина Ч.3.С.21; Ч.8.С.342; Рус. старина. 1893. №1. С. 17; Рус. архив. 1864. С. 796; Журнал министерства юстиции. 1912. №3. С. 221; Коленкур А. Поход Наполеона на Россию. Смоленск, 1991. С. 188.

^{xxxii} Сегюр отмечал, что русские помещики «более всего боялись восстания крепостных. Прежде всего они старались влиять на настроение своих несчастных крепостных...

Священники, которым крестьяне привыкли верить, обманывали их своими лживыми речами; крестьян уверяли, что мы легионы дьявола под начальством Антихриста, духи ада, вид которых вызывает ужас, что наше прикосновение оскверняет» (Французы в России. Т. I. С. 81).

^{xxxiii} *Nafziger G.F.* Logistics in the 1812 Campaign//Consortium on Revolutionary Europe. Tallahassee, 1989. XIX. P.314. Лесли рассказывал, как в дер. Семеновской мужик ни за что не хотел отдать казакам свой овес, но затем, под воздействием общего убеждения, сам «помогал разбирать свой двор, только бы не досталось басурманам».

^{xxxiv} Родина. 1992. № 6-7. С. 134, 155; Рус. старина. 1912. № 3. С. 483; Смоленская старина. Смоленск, 1912. Вып. 2. С. 351, 383; *Харкевич В. И.* Указ. соч. С. 111—112; Отечественные записки. 1860. № 4. С. 45; *Zimmermann C.* Bis nach Sibirien. Hannover, 1863. S. 116—17; Schenck von Winterstedt C. Mittheilungen aus dem Leben... Celle, 1829. S. 10—15; *Wachsmuth J.* Geschichte meiner Kriegsgefangenschaft in Russland. Magdeburg. 1910. S. 25—26.

^{xxxv} Чиновнику Л. крестьянин задал вопрос: «Так убивать их, французов-то, можно?» После утвердительного ответа он сказал: «Хотя враги... землю разорили, а все же по образу подобно. Видимо упрекала его совесть, и он желал поверить сомнения свои грешшемуся чиновнику... "А вот вишь ты, — сказал крестьянин, — наловили мы это их, французов-то, десятка два и стали думать, что бы с ними наделать... и приговорили миром побить их". Тут он приостановился и, подумав, со вздохом продолжал: "Оно точно того, если бы он на тебя с ножом лез, ничего бы... а то смотрит как баран; как тут быть-то? Француз не баран, а все же человек, враг только, землю разорил"» (Рус. архив. 1868. № 12). Даже церковная пропаганда не могла затуманить в сознании мужика того, что он поступал не по христиански, убивая безоружных людей.

^{xxxvi} Рунич так объяснял это озлобление: «Низший класс в России всегда ненавидел иностранцев... Нападение французов на собственность жителей и эта исконная ненависть были единственными причинами всех зверских поступков». Ростопчин «разжег народную ненависть теми ужасами, которые он приписал иностранцам». «Вторжение французов на русскую землю и занятие Москвы, на которую русские смотрят как на священный город и который был осквернен присутствием людей, коих они считают нехристями, пробудили в сердцах московской черни и в окрестных крестьянах жажду мести». Они варварскими способами убивали врагов, причем «каждый крестьянин считал, что он исполняет этим свой долг... Действительно верно, что народ становится бешеным тигром, когда нападают на его домашний очаг» (Рус. старина. 1901. № 3. С. 612, 613).

^{xxxvii} *Андреев П. Г.* Смоленская губерния в Отечественной войне 1812 года. Смоленск, 1959. С. 90; Отечественная война и русское общество. Т. IV. С. 234.

^{xxxviii} М. И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. IV, ч. 1. С. 257, 309, 327, 328; 2. 327, 554; *Гарнич Н. Ф.* Указ. соч. С. 224, 230; *Бабкин В. И.* Указ. соч. С. 136-138, 140; *Вершигора П. П.* Указ. соч. С. 367, 404; *Бескровный Л. Г.* Указ. соч. С. 484, 478-481; *Вопр. истории.* 1972. № 1. С. 118, 122; № 2. С. 96; *Жилин П. А.* Фельдмаршал М. И. Кутузов. М., 1987. С. 206.

^{xxxix} *Гарнич Н. Ф.* Указ. соч. С. 226; *Бескровный Л. Г.* Указ. соч. С. 488; *Он же.* Русское военное искусство. С. 114.

^{xl} По словам Гарнича, «всемирное движение сопротивления» заставило Наполеона оставить в тылу войск «вдвое больше его главной армии, с которой он шел на Москву». Корнейчик писал, что Наполеон оставил на территории Белоруссии около 100 тыс. человек, и отнес это в заслугу белорусскому народу (*Гарнич Н. Ф.* Указ. соч. С. 64; *Корнейчик У. И.* Указ. соч. С. 46; *Бычков Л. Н.* Указ. соч. С. 28; *Вершигора П. П.* Указ. соч. С. 378)

^{xli} *Бескровный Л. Г.* Отечественная война 1812 года. С. 340, 487; *Вопр. истории.* 1972. № 1. С. 115; *Бурыкин В. М. и др.* Быль и легенды земли верейской. М., 1997. С. 83). Лишь в двух случаях — при нападении Винценгероде на Витебск и Дорохова на Смоленский тракт — Наполеон выделил против них крупные силы (по две дивизии), причем в обоих случаях действовали не крестьянские дружины и партизанские партии, а крупные «летучие отряды».

^{xlii} *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство. С. 115; *Ист. журн.* 1938. № 10. С. 66; *Кочетков А. Н.* Партизанское движение. С. 171; *Гарнич Н. Ф.* Указ. соч. С. 231; *Чубар Б. Г. М. Курин* // Герои 1812 г. М., 1987. С. 551; *Куляева Н.* Кто же он, Герасим Курин? // Сын Отечества. 1990. № 24. С. 9.

^{xliiii} Полководец Кутузов. С. 374-375, 386, 396-397, 398.

^{xliv} *Гарин Ф. А.* Указ. соч. С. 463; *Гарнич Н. Ф.* Указ. соч. С. 222-223.

^{xlv} *Троицкий Н. А. М. И. Кутузов: Факты. Версии. Мифы* // М. И. Кутузов и русская армия на 2-м этапе Отечественной войны 1812 г. Малоярославец, 1995; *Он же.* Фельдмаршал Кутузов: легенда и реальность. Саратов, 1998.

^{xlvi} Смоленские дворяне предложили Александру I сформировать «временное вооружение». Он согласился и указал, что туда следует набирать людей обученных, прочих крестьян «распределяя для обучения по резервным батальонам». В этом разумном предложении Андреев усмотрел нечто иное: «Главная мысль царя, ясно и отчетливо выраженная в его указании, — избежать массового вооружения народа, крепостных крестьян. Царь предлагал... вооружить в первую очередь лесничихи господских егерей, псарей, конюхов. Крестьяне («прочие») вооружались в последнюю очередь и полностью включались в состав регулярной армии» (*Андреев П. Г.* Смоленская губерния в Отечественной войне 1812 г. С. 27).

xlvii *Бабкин В.И.* Указ. соч. С. 48-49, 81. «Ограничение ополчения 16-ю губерниями в общем себя оправдало. Не имело смысла собирать ополчение в более удаленных губерниях: подкрепления от них действующей армии при тогдашних средствах транспорта было бы вряд ли своевременным... Нехватка оружия для повсеместного ополчения, недостаток офицеров... так же оправдывают ограничение ополчения 16 губерниями. Непривлечение к ополчению западных... губерний объясняется не только тем, что они уже в первые недели были объята войной..., но и ненадежностью тамошнего дворянства, польского по национальности» (*Ливчак Б. Ф.* Указ. соч. С. 69-70; *Отечественная война и русское общество.* Т. V. С. 46, 63).

xlviii Ист. журн. 1938. № 10. С. 61.

Ист. журн. 1938. № 10. С. 61.

xlix *Жилин П.А.* Указ. соч. С. 238; *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 239; *Вершигора П.П.* Указ. соч. С. 414; *Гарнич Н.Ф.* Указ. соч. С. 230, 444.

¹ Листовки 1812г. С. 53, 50-51, 58-59, 73, 75, 102, 115-116; М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. IV, ч. 2. С. 202-203.

ⁱⁱ *Абалыхин Б. С., Дунаевский В. А.* 1812 год на перекрестках мнений советских историков, 1917-1987. М., 1990. С. 173. Правда, Жилин привел один «ранее неизвестный документ», который на самом деле был опубликован еще Шамбрэ, частично переведен Давыдовым и был использован в литературе (*Жилин П. А.* Гибель Наполеоновской армии в России, 239—240; *Chambray G.* Histoire de l'expédition de Russie. P., 1838. Vol. 2. P. 280-281; *Давыдов Д. В.* Указ. соч. С. 176-177; *Андреев П. Г.* Указ. соч. С. 91; *Вершигора П. П.* Указ. соч. С. 380).

ⁱⁱⁱ *Ильин-Томич А.* Кто придумал русского Сцевола? // Родина. 1992. № 6-7. С. 126-127.

ⁱⁱⁱⁱ Гарнич писал, что «Кожина создала целый отряд из женщин, девушки и подростков... Захватенное оружие врага распределялось среди своих бойцов — женщин, которые быстро научились стрелять из ружей, карабинов и пистолетов, рубить саблями и палашиами... Засады на дорогах и в населенных пунктах и внезапные ночные нападения всегда обеспечивали победу героическому женскому отряду». На самом деле Василиса занималась конвоированием пленных; на карикатуре она изображена именно в виде конвоира. Не заметив этого противоречия, Бычков писал, что Василиса «получила всероссийскую известность своими энергичными выступлениями против наполеоновских войск: она водила в Сычовку пленных». Под «энергичными действиями» надо понимать тот случай, когда Василиса убила косою пленника (*Гарнич Н.Ф.* Указ. соч. С. 228-229; *Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 239; Ист. журн. 1937. № 8. С. 67; 1938. № 10. С. 70).

^{lv} В этот разряд попали даже заградительные кордоны (*Кочетков А. Н.* Партизанская война. С. 168; *Вершигора П. П.* Указ. соч. С. 380). Иногда пишут, что «поныне малоисследованным компонентом народной войны 1812 г. были разнообразные формы самозащиты населения оккупированных и прифронтовых губерний — кордоны, дружины, "охранные войска" в несколько десятков или сот человек, которые ограждали свои села, волости и уезды от мелких отрядов врага» (*Троицкий Н. А.* Указ. соч. С. 223; *Абалыхин Б. С., Дунаевский В. А.* Указ. соч. С. 173; II этап Отечественной войны 1812г. Малоярославец, 1997. С. 31). Это не верно: деятельность кордонов была подробно описана в дореволюционных работах.

^{lv} *Кочетков А. Н.* Кутузов — организатор армейских партизанских отрядов. С. 338; *Он же.* Партизанская война. С. 164, 167—173; *Вершигора П. П.* Указ. соч. С. 380 («именно крестьянство являлось социальной основой партизанского движения»); СВЭ. М., 1978. Т. 6. С. 227, 229, 236; *Андреев П. Г.* Указ. соч. С. 76, 78.

^{lvi} *Безотосный В. М.* Аналитический проект П. А. Чуйкевича // Рос. архив. Вып. VII. С. 41-43, 47-49.

^{lvii} М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. IV, ч. 1. С. 243, 246, 301, 370, 387, 399-400, 420, 426.

^{lviii} Там же. С. 107, 256, 277, 279-280, 309, 336, 341, 353, 370, 382; Т. IV, ч. 2. С. 137, 144, 146, 147, 158, 184, 221, 273, 313, 399. Листовки 1812 г. С. 44, 54. Призывая не путать Фиглева с Фигнером, Давыдов пояснял, что «первый находился в отряде генерала Винценгероде, а последний был партизаном» (*Давыдов Д. В.* Указ. соч. С. 161, 287, 310, 352).

^{lix} *Давыдов Д. В.* Указ. соч. С. 164, 280, 293, 316; *Тучков М. С.* Военный словарь. М., 1818. Ч. I. С. 239; Ч. II. С. 36.

^{lx} Народное ополчение. С. 144, 183-184, 187, 194-196; *Давыдов Д. В.* Указ. соч. С. 166, 169, 170, 175, 215, 223, 238, 274, 276; Листовки 1812г. С. 50, 53, 56.

^{lxi} Полководец Кутузов. С. 344—345; *Бескровный Л. Г.* Русское военное искусство. С. 115; *Жилин П. А.* Гибель Наполеоновской армии в России. С. 248, 249; *Он же.* Фельдмаршал Кутузов. С. 205, 206. «Партизаны не должны были этого предпринимать, ибо таковые предприятия не в духе партизанского действия», — прямо заявлял Давыдов, делая, впрочем, оговорку, что «когда нужда востребовала», Дорохов взял Верею (*Давыдов Д. В.* Указ. соч. С. 163—164; Отечественные записки. 1860. № 4. С. 45). Однако отряд Дорохова трудно признать партизанским. Это был отдельный «летучий корпус» (4,5 тыс. человек и 8 орудий), созданный для решения специфической задачи (штурма города), вовсе не характерной для обычной партизанской партии.

^{lxii} *Харкевич В. И.* Указ. соч. С. 81-82; Бумаги Шукина. Ч. VII. С. 250—251; Труды имп. Русского исторического общества. СПб., 1912. Т. VI. Кн. 2. С. 79. На наш взгляд, отряд Винценгероде не был чисто

партизанским, ибо его главной задачей было прикрытие правого фланга русских армий, а затем — Петербурга. Но отделяемые от него партии (Бенкендорфа, Пренделя, Фиглева, Чернозубова), нападавшие на коммуникации и фуражиров неприятеля, можно считать партизанскими.

^{lxiii} Давыдов Д. В. Указ. соч. С. 166, 167, 169, 170-172, 174, 187, 188, 199, 207, 218, 220, 223, 230-232, 234-235, 237-241.

^{lxiv} На донесение Дорохова о том, что он окружен, Кутузов ответил: «Партизан никогда в сие положение притти не может, ибо обязанность его есть столько времени на одном месте оставаться, сколько ему нужно для накормления людей и лошадей. Марши должен партизан делать скрытные по малым дорогам. Пришедши к какому-нибудь селению, никого из оного не выпускать, дабы не можно было дать об нем известия. Днем скрываться в лесах или низменных местах. Словом сказать, партизан должен быть решителен, быстр и неутомим» (М. И. Кутузов: Сб. документов. Т. IV. Ч. 1. С. 301).

^{lxv} Родина. 1992. № 6-7. С. 82; Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. Указ. соч. С. 173.

^{lxvi} Рус. старина. 1901. № 3. С. 612, 613; Отечественная война и русское общество. Т. IV. С. 228-229; Дживелегов А. К. Указ. соч. С. 230 - 233, 236.

^{lxvii} Ист. журн. 1937. № 8. С. 55, 70, 82; Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. Указ. соч. С. 44, 72.

Остается лишь гадать, какой *политический смысл и значение* хотел приписать Бычков борьбе крестьянства в 1812г.

^{lxviii} Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. Указ. соч. С. 172—173.

^{lxix} Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 12. С. 699; Тарле Е. В. Указ. соч. С. 180-181; Бабкин В. И. Указ. соч. С. 33; Троицкий И. А. Указ. соч. С. 216; Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. Указ. соч. С. 175.

^{lxx} Поводом к возмущению в Инсаре стали слухи о роспуске ополчения. Чтобы не идти в поход, ратники заявили: «Вы обманываете нас: мы не присягали, а без того солдату нельзя быть и в походе, да и собирать нас государь не велел, а требовал одних дворян; но *вы ведете нас вместо себя*». Они говорили, «что у них не обрита борода, и их не приводили к присяге, значит, они не настоящие солдаты. Если бы государь нуждался в войске, то велел бы объявить рекрутский набор, а в ополчение государственных крестьян не берут, значит, все это вы думка помещиков», которые «вздумали *послать за себя проливать кровь своих крестьян*». В Саранске они отказывались идти в поход без присяги, в Чембаре — под предлогом того, что отданы своими господами всего на три месяца. И так, *ратники вовсе не горели желанием проливать свою кровь за Отечество!* Но на суде они заявили, что «хотели, истребив офицеров, отправиться целым ополчением» на войну, разбить неприятеля и, представ пред царем, «в награду за свою службу выпросить себе *проценье и вечную свободу из владения помещиков*» (Отечественная война и русское общество. Т. V. С. 98-102; Ливчак Б. Ф. Указ. соч. С. 151—154). Зачем нужно было для победы над врагом истреблять своих собственных офицеров? Это объяснение похоже на жалкую попытку оправдаться задним числом, придумав для мятежа благовидную цель.

^{lxxi} «Может быть, — писал Кабанов, — в сознании крестьянина... эта тяжелая жертва государству, соединялась с волей от крепостной зависимости. *Мы не можем ответить на этот вопрос, но такие добровольцы были*» (Бумаги Щукина. Ч. 5. С. 74—75; Отечественная война и русское общество. Т. V. С. 49; Дживелегов А. К. Указ. соч. С. 232; Ливчак Б. Ф. Указ. соч. С. 74, 97; Вопр. истории. 1972. № 1. С. 116-117).

^{lxxii} Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 1915. Т. 1. С. 17; Павлова Л. Я. Указ. соч. С. 93—94; Отечественная война и русское общество. Т. V. С. 103—106, 111—112. Антикрепостнические настроения самих декабристов возникли не в 1812 г., а после заграничных походов (Павлова Л. Я. Указ. соч. С. 95—98). При этом война с Наполеоном «разбудила» лишь «узкий круг» будущих декабристов, а вовсе не широкие крестьянские массы. В противном случае дело не ограничилось бы Сенатской площадью и призывами типа: «За Константина и его жену Конспигуцию!»

^{lxxiii} Родина. 1992. № 6-7. С. 133.

^{lxxiv} Троицкий Н. А. Указ. соч. С. 210-216, 221. Как писал Безотосный, «марксистская школа историков модернизировала на советский лад монархические идеи, правда без царя, — народ был объявлен главной причиной гибели наполеоновской армии в России» (Родина. 1992. № 6-7. С. 37).

^{lxxv} Родина. 1992. № 6-7. С. 133-135.

^{lxxvi} Троицкий Н. А. Указ. соч. С. 216.

^{lxxvii} Ливчак отмечал, что «патриотизм русских крестьян, ремесленников и городской бедноты *был скован в своих проявлениях всем строем поместных, цеховых и сословных отношений крепостнической России*», патриотизм простонародья не мог поэтому... получить естественную форму своего выражения: он извращался институтами крепостного строя, ставящими защитников родины в положение жертвуемых, по ставляемых, покупаемых и продаваемых» (Ливчак Б. Ф. Указ. соч. С. 79).

^{lxxviii} Бумаги Щукина. 4.5. С. 126—127; Отечественная война и русское общество. Т. V. с. 4, 50; Бабкин В. И. Указ.

соч. С. 40; *Ливчак Б. Ф.* Указ. соч. С. 75-76; *Зспенск. Ор. сИ.* 5. 96-99.

^{lxxix} Выступая против тезиса дворянских историков о патриотическом «единении сословий», Кабанов писал, что величественность той эпохи «не дает права освещать ее чересчур односторонне; нужно в том патриотическом подъеме, который проявился в то время, показать своего рода градацию. Были люди, которые жертвовали всем, были, наоборот, такие, которые пользовались моментом для удовлетворения своих личных выгод». Такого сорта люди встречались во всех сословиях. Вполчение «одни шли из ненависти к врагу, из любви к родине, другие — по личным мотивам честолюбия, славы, по бедности, третьи, наконец, по самому настойчивому, самому грубому принуждению. Так разлагается на составные элементы, крайне разнообразные по своему содержанию... тот патриотизм», который излишне восторженно и упрощенно описали дворянские историки (*Отечественная война и русское общество. Т. V. С. 46, 52, 62, 69-70*).

^{lxxx} *Павлова Л. Я.* Указ соч. С. 93, 95; *Гарле Е. В.* Указ соч. С. 183, 184, 234. Нужно подчеркнуть, что солдат — это бывший крестьянин, *навсегда порывавший* со своим сословием и вступающий в другое, имевшее свои корпоративные интересы и права, отличные от крестьянских.